

****Глава 7****

Дворец Чжэньнань находился в самом сердце Великого Защитного Барьера Ордена Сюаньтянь. Вокруг него обитало множество духовных зверей, и среди них — Синий Луань.

Этого Синего Луаня Цзи Гуаньци когда-то сам вынес из Малой обители. Он лично выходил и вылупил птицу из яйца, а затем преподнес Бессмертному почтенному Чжэньнаню в качестве подарка на день рождения. Цзи Гуаньци хотел подарить наставнику верного ездового зверя, однако Бессмертный почтенный всегда предпочитал летать на мече, так что этот подарок остался лишь красивым жестом.

И все же при мысли о том, что перед самой смертью этот луань отчаянно пытался его спасти, на душе у Цзи Гуаньци потеплело.

— Фью-ю-у!

Огромные крылья пронеслись перед самыми их лицами. Цяо Ю с раздражением проводил взглядом хаотично кружащую птицу, после чего повернулся к Цзи Гуаньци и проворчал:

— И о чем ты только думал? Наставник испокон веков управляет мечом, а ты даришь ему летающего зверя. Чистейшей воды глупость.

— Если тебя это так задевает, попроси Бессмертного почтенного выпустить его на волю, — бросил Цзи Гуаньци, не останавливая шага.

От такой дерзости Цяо Ю лишился дара речи и лишь яростно выплюнул:

— Цзи Гуаньци!

— Кричи громче, чтобы наставник точно услышал. Глядишь, еще и под наказание попадешь, — ровным голосом продолжал Цзи Гуаньци. — Наш почтенный любит тишину. Надеюсь, напоминать об этом не нужно?

Потерпев сокрушительное поражение в словесной перепалке, Цяо Ю мгновенно затаил злобу. Он злобно уставился в худую спину Цзи Гуаньци и пожаловался идущему рядом Сяо Танцину:

— Ишь, как осмелел! Да как он смеет так со мной разговаривать?

— Ты...

Сяо Танцин хотел было спросить, не кажется ли ему поведение Цзи Гуаньци странным, но,

глядя на напыщенную и спесивую мину приятеля, передумал. От этого крикуна и так одни проблемы, глупо надеяться, что он заметит хоть какие-то перемены.

Когда они втроем подошли к дверям дворца Чжэньнань, то увидели установленную прямо по центру Расписную алебарду, уравнивающую небеса. Оружие дышало сокрушительной духовной силой. Даже просто проходить мимо него было невыносимо тяжело — эта мощная аура легко могла прижать к земле любого мало-мальски слабого заклинателя.

Цзи Гуаньци невольно замер. Шедший следом Цяо Ю не успел среагировать и с размаху врезался ему в спину, отчего Цзи Гуаньци покачнулся и сделал пару вынужденных шагов вперед.

— Да что с тобой такое? — Цяо Ю потер ушибленную переносицу и сердито буркнул: — Чего встал как вкопанный?

— А ты под ноги смотреть не пробовал? — резко отозвался Цзи Гуаньци, одарив его холодным взглядом, после чего вновь перевел взгляд на легендарное оружие.

Расписная алебарда... Обычный человек не сумел бы даже оторвать ее от земли. Одно лишь ее имя наводило ужас на весь мир заклинателей, особенно если учесть, что ее владельцем был сам Бессмертный почтенный Чжэньнань. Эта алебарда оборвала жизни бесчисленного множества практиков.

«И его собственную — там, в прошлой жизни»

Цзи Гуаньци глубоко вздохнул, унимая бешеную дрожь в груди. Он крепче сжал рукоять собственного меча, расправил плечи и решительно зашагал к дверям. Остановившись у порога, он почтительно склонился:

— Ученик Цзи Гуаньци приветствует наставника.

— Ученик Сяо Танцин приветствует наставника, — отозвался следом Сяо Танцин.

Цяо Ю сердито зыркнул в спину старшего соученика, но перед лицом великого мастера благоразумно прикусил язык и тоже согнулся в поклоне:

— Ученик Цяо Ю приветствует наставника.

Тяжелые створки ворот со скрипом распахнулись. Внутри царила тишина. Двое учеников-слуг, стоявших на страже у входа, почтительно поклонились:

— Старшие братья, Бессмертный почтенный ждет вас внутри. Просим, проходите. Нам не

положено следовать за вами.

У Синбай терпеть не мог чужого присутствия в своих покоях. За исключением трех закрытых учеников, никто — даже присланные орденом слуги — не смел переступить этот порог. Им позволялось лишь убирать территорию снаружи.

То ли Цзи Гуаньци показалось, то ли из распахнувшихся дверей действительно дохнуло едва уловимым, тонким запахом свежей крови. Но это длилось лишь краткое мгновение, столь мимолетное, что он тут же списал все на разыгравшееся воображение.

Прежде чем он успел вздуматься, Цяо Ю бесцеремонно оттолкнул его плечом и уверенно зашагал внутрь. Цзи Гуаньци же застыл на пороге, не в силах сделать и шага. Позади него высилась алебарда, когда-то пронзившая его грудь насквозь. Впереди ждал тот, кто в прошлой жизни без тени жалости лишил его жизни. Спина Цзи Гуаньци мгновенно покрылась ледяной испариной. Он опомнился, лишь когда Сяо Танцин тихо окликнул его:

— Что с тобой?

— Все в порядке, — Цзи Гуаньци заставил себя заговорить.

Он крепко зажмурился, справляясь с подступившим ужасом, а когда снова открыл глаза, в них читалась лишь холодная решимость. Сделав глубокий вдох, он решительно перешагнул порог и опустился на колени рядом с Цяо Ю перед грозным Бессмертным почтенным Чжэньнанем.

— Ученик Цзи Гуаньци приветствует наставника, — смиренно произнес он, склоняя голову до самого пола.

Сидящий на возвышении мужчина не проронил ни слова. Более того, давящая, тяжелая аура, которая обычно встречала каждого входящего во дворец, бесследно исчезла. Цзи Гуаньци растерялся. Прежде У Синбай никогда не заботился о том, каково его ученикам под гнетом его духовного давления. Обычно после подобных визитов Цзи Гуаньци приходилось отлеживаться по полдня, чтобы прийти в себя.

Но сейчас этот могущественный владыка почему-то полностью укротил свое величие.

Сяо Танцин и Цяо Ю тоже почуяли неладное, но, какими бы строптивыми они ни были в обычные дни, перечить У Синбаю не смели. Они сидели, низко склонив головы и затаив дыхание, пока сверху не раздался негромкий голос:

— Ты ранен?

Вопрос предназначался Цзи Гуаньци.

На самом деле У Синбай не сводил с него глаз с самой секунды его появления — в этом взгляде крылась странная, глубоко запрятанная тревога. Заметив засохшую ниточку крови в уголке губ юноши, Бессмертный резко прищурился, и его голос заметно похолодел:

— Кто это сделал?

— Ученик был неосторожен и сам оступился, — ответил Цзи Гуаньци, опустив глаза.

Ему показалось нелепым, что великий мастер обратил внимание на такую чепуху. К чему это притворство? На какую-то царапину он обращает внимание, а когда пронзал его грудь расписной алебардой, рука у него даже не дрогнула.

Вот он, истинный У Синбай. Бессмертный почтенный Чжэньнань, карающая длань ордена. С чего бы ему жалеть безликого, ничем не примечательного ученика?

Обычный посредственный воспитанник. Умрет — туда ему и дорога. Заодно и место первого ученика освободится для кого-то более достойного. Разве не прелестно?

В опущенных глазах Цзи Гуаньци плескалась горькая усмешка. Он и сам не знал, кого презирает больше — этого величавого господина или самого себя.

— Сам оступился? — У Синбай едва заметно нахмурился.

Было очевидно, что в эту ложь он не поверил ни на грош. Его задело, что послушный прежде ученик начал юлить и скрывать правду. Но стоило ему открыть рот, чтобы возразить, как Цзи Гуаньци опустился на колени еще ниже, коснувшись лбом пола.

— Что ты делаешь? — спросил Бессмертный.

— Ученик осмеливается просить наставника об одной милости, — твердо произнес Цзи Гуаньци. — Молю, выслушайте меня.

У Цяо Ю, стоявшего неподалеку, неприятно екнуло сердце. Он скосил глаза на Цзи Гуаньци, смутно догадываясь, к чему тот клонит. Однако внутри еще теплилась глупая надежда.

«Этот нищеврод зубами держится за свое звание первого ученика. Неужели он по собственной воле уйдет из Сюаньтянь? Да никогда в жизни. Просто разыгрывает комедию»

Но пока он подбирал едкие слова для будущей издевки, Цзи Гуаньци, не колеблясь, произнес:

— Прошу наставника позволить мне снять одежды закрытого ученика и навсегда покинуть

орден Сюаньтянь.

Он действительно это сказал! Вслух!

У Цяо Ю глаза на лоб полезли от изумления. Он уставился на коленопреклоненного юношу, стремительно бледнея, после чего растерянно зыркнул на Сяо Танцина. Но тот даже не взглянул в его сторону — все его внимание было приковано к Цзи Гуаньци. Более того, Сяо Танцин вдруг сделал шаг вперед и опустился на колени рядом со старшим братом:

— Наставник, старший брат сегодня сильно пострадал в бою, его разум затуманен ранами. Прошу вас, не принимайте эти речи всерьез и не гневайтесь на него.

— Я умею проигрывать и держу свое слово, — отрезал Цзи Гуаньци.

Хоть он и не понимал, с чего вдруг Сяо Танцин бросился его выгораживать, отступать парень не собирался. Решение было принято раз и навсегда. Сегодня он доведет задуманное до конца. Он упрямо склонил голову перед учителем:

— Молю наставника отпустить меня. Мой талант ничтожен, я недостоин звания первого ученика и лишь позорю ваше славное имя своим присутствием. Прошу вас...

— Кто сказал, что твой талант ничтожен? — ледяной голос Бессмертного почтенного Чжэньнана безжалостно оборвал его на полуслове.

Тон его оставался безучастным, но те, кто хорошо знал У Синбая, понимали: в его душе закипает ярость. На долю секунды духовное давление мастера вырвалось наружу. Тяжелая волна силы прижала всех троих учеников к полу. Цяо Ю, не выдержав натиска, взмолился:

— Наставник, смилуйтесь!

У Синбай тут же заметил, что Цзи Гуаньци безмолвно терпит, хотя его плечи и руки уже мелко дрожали от натуги. В то же мгновение Бессмертный полностью убрал свою ауру, не позволяя ни единой капле силы ранить юношу, и тихо спросил:

— Ты действительно желаешь покинуть меня и уйти из ордена Сюаньтянь?

— Ученик верен данному слову, — Цзи Гуаньци прекрасно уловил опасные нотки в голосе наставника, но понимал, что другого шанса может не представиться. — Раз уж я пообещал, что в случае проигрыша младшему брату Цяо Ю сниму одежды первого ученика и покину Сюаньтянь, то так тому и быть. И клянусь: отныне я никогда не поверну назад.

Подобная клятва звучала слишком пугающе и бесповоротно. Даже Цяо Ю вскинул голову от

изумления. Их уговор изначально не шел так далеко — эти последние слова Цзи Гуаньци добавил сам, сознательно сжигая за собой все мосты. В этот момент Цяо Ю окончательно почуял неладное. Ему хотелось закричать, возразить, но нужные слова никак не шли на ум.

На краткий миг, глядя на коленопреклоненного Цзи Гуаньци, Цяо Ю поймал себя на пугающей, дикой мысли.

«А ведь он проиграл мне не случайно. Он сделал это нарочно...»

«Он просто хотел повода, чтобы сбежать из ордена Сюаньтянь. Он хочет уйти!»

— Не позволю, — У Синбай холодно взглянул на Цзи Гуаньци, на его переносице пролегла глубокая складка. — Ты останешься. Остальные — вон.

Цзи Гуаньци резко вскинул голову и в упор посмотрел на наставника. В его глазах было столько жгучей, неприкрытой прямоты, что великий мастер впервые в жизни поспешил отвести взгляд.

Уходить Цяо Ю очень не хотелось, однако воле наставника противиться никто не смел. Ему пришлось подняться на ноги. Сяо Танцин, бросив на прощание встревоженный взгляд на неподвижного Цзи Гуаньци, послушно последовал за ним.

Стоило им переступить порог и отойти подальше от зала, как Цяо Ю тут же сердито зашептал:

— Я так и знал! Никуда он уходить не собирается. Прекрасно ведь ведал, что наставник его не отпустит, вот и разыграл это дешевое представление ради жалости.

— Не думаю, что это игра, — покачал головой Сяо Танцин.

— Да что с тобой стряслось? — Цяо Ю раздраженно пихнул Сяо Танцина локтем. — С каких это пор ты стал за него заступаться? Это совсем на тебя не похоже. Помнится, ты сам говорил, что он тебя до смерти бесит.

Сяо Танцин промолчал. Да, он действительно так говорил, и Цзи Гуаньци его невероятно раздражал. Но в последнее время старший соученик стал пугающе тихим. Слишком тихим для себя прежнего. У Сяо Танцина даже появилось стойкое, щемящее ощущение, будто Цзи Гуаньци просто не хочет их видеть.

— Ай, ладно, бог с ним, — отмахнулся Цяо Ю, и его глаза тут же азартно блеснули. — Слушай лучше. Завтра на Великом собрании орденов я познакомлю тебя с одним человеком. Мы сошлись с ним во время моих странствий. Ты представить себе не можешь, какой он потрясающий! Стоит один раз взглянуть, и ты сразу проникаешься к нему симпатией. Он невероятно добрый, чистый душой, всегда готов прийти на помощь... Впрочем, завтра сам все

увидишь!

— Понятно, — безучастно отозвался Сяо Танцин. Его взгляд то и дело возвращался к закрытым дверям дворца. — И как его зовут?

— Си Яо, — расплылся в улыбке Цяо Ю. — Правда, красивое имя?

Сяо Танцин резко остановился и уставился на товарища. Его взгляд мгновенно заледенел:

— Ты знаком с Си Яо?

— Откуда... Ты тоже его знаешь? — Цяо Ю озадаченно нахмурился.

Разговоры о Цзи Гуаньци мгновенно сошли на нет. Везде, где звучало имя Си Яо, мир словно сужался до этих двух слогов. Одно лишь упоминание этого юноши затмевало собой все остальное.

Между тем внутри дворца повисла тяжелая тишина. По крайней мере, для Цзи Гуаньци она была невыносимой. Ему безумно хотелось развернуться и уйти, но У Синбай приказал остаться. Наверняка его ждет очередная выволочка или суровое наказание за дерзость — ведь его наставник славился своей железной, беспристрастной холодностью.

Именно поэтому в прошлой жизни, когда Цзи Гуаньци оклеветали, он первым делом бросился искать защиты у учителя. Он не ждал от него слепой родительской любви или покровительства, но свято верил в его абсолютную справедливость. Увы, реальность нанесла ему жестокий, сокрушительный удар.

Теперь же, стоя перед ним, Цзи Гуаньци видел в этом человеке не грозного наставника, а собственного палача.

— Покажи рану, — тихо произнес У Синбай.

Он подошел вплотную и мягко, но настойчиво потянул юношу вверх, заставляя подняться с колен. Мягкая духовная энергия без спроса хлынула в меридианы Цзи Гуаньци, бережно распутывая узлы застоявшейся силы и залечивая внутренние повреждения.

— Если понимаешь, что противник сильнее, нужно было просто признать поражение. Зачем доводить себя до такого состояния?

Его голос, как всегда, звучал ровно и безучастно. За этой непроницаемой стеной невозможно было разглядеть истинные мысли и чувства мастера.

В прошлой жизни У Синбай никогда не разговаривал с ним так мягко и уж тем более не заботился о его ранах. Сердце Цзи Гуаньци на миг пропустило удар. Он удивленно вскинул глаза на учителя. Их взгляды встретились. В бесстрастных глазах великого мастера не отражалось ровным счетом ничего. Они стояли так близко, что Цзи Гуаньци чувствовал чужое дыхание на своей коже. Опомнившись, он поспешно отступил на шаг назад и низко поклонился:

— Благодарю за милость, наставник.

— Ступай, — ровно отозвался У Синбай, протягивая ему небольшую нефритовую бутылочку. — Прими это снадобье, когда вернешься в свою обитель. Твой нелепый спор с младшим братом я объявляю недействительным. Но запомни: если ты еще раз посмеешь использовать звание первого ученика как разменную монету в глупых пари, наказание будет беспощадным.

Лишь теперь в этих строгих, сухих словах Цзи Гуаньци расслышал привычного наставника. На какую-то безумную секунду ему показалось, будто У Синбай тоже переродился — слишком уж разительными были перемены в его поведении. Но, поразмыслив трезво, он отбросил эту мысль. Будь это правдой, Бессмертный при первой же встрече без лишних слов пронзил бы его своей алебардой.

Ведь именно Цзи Гуаньци в прошлой жизни отравил его обожаемого младшего ученика смертоносным ядовитым гу.

На губах юноши промелькнула едва заметная, горькая усмешка. Он смиренно сложил ладони у груди:

— Ученик запомнит этот урок наставника и впредь не посмеет ослушаться.

С этими словами Цзи Гуаньци повернулся и быстрым шагом направился к выходу, так и не заметив, как потемнело и исказилось болью лицо оставшегося за его спиной У Синбая.

Выйдя из ворот дворца, он увидел, что соученики все еще не разошлись. Впрочем, ждали они явно не его. Юноши увлеченно спорили о чем-то, и до слуха Цзи Гуаньци долетели обрывки фраз, среди которых отчетливо прозвучало имя: «Си Яо». Он на секунду замер, но тут же взял себя в руки и прошел мимо, сделав вид, что ничего не слышал.

— Цзи Гуаньци! — окликнул его было Цяо Ю, собираясь броситься вдогонку, но в этот момент прямо перед его носом с шумом приземлился Синий Луань.

Огромные перья задели его лицо, заставив испуганно отпрянуть назад. Когда птица наконец утихомирилась, след старшего брата уже простыл. Цяо Ю в ярости сжал кулаки, намереваясь во что бы то ни стало настичь беглеца, но его окликнул стоящий у ворот слуга:

— Старший брат Цяо Ю, Бессмертный почтенный требует вас к себе.

— Наставник? — Цяо Ю опешил.

— Да, великий мастер ожидает вас, — почтительно кивнул слуга. — Пожалуйста, не заставляйте его ждать.

Растерянный и встревоженный Цяо Ю не посмел медлить. Лишь перед самым входом он обернулся к Сяо Танцину и злобно прошипел:

— Передай этому ублюдку Цзи Гуаньци: если он еще хоть раз посмеет обидеть Си Яо, я с него шкуру спущу!

С этими словами он торопливо скрылся за дверями главного зала.

Но не успел Сяо Танцин сделать и пары шагов, как позади него раздался резкий, свистящий порыв ветра. Чисто инстинктивно он отпрянул в сторону — и вовремя: из дверей дворца пушечным ядром вылетело человеческое тело и с глухим стуком рухнуло на каменные плиты, подняв тучу пыли. Удар был невероятной силы.

Сяо Танцин присмотрелся и обомлел. На земле, кряхтя от боли, лежал Цяо Ю. С трудом преодолевая шок и ломоту в костях, тот мгновенно вскочил на колени и в глубоком ужасе уставился на распахнутые двери:

— Наставник! Не знаю, чем провинился ваш ничтожный ученик, раз это вызвало у вас столь страшный гнев!

— Если кто-то из вас еще раз посмеет использовать имя и достоинство учеников ордена в своих жалких спорах, будете немедленно изгнаны из Сюаньтянь, — громовой голос У Синбая вырвался из глубин дворца.

Звуковая волна была направленно — Сяо Танцин, стоявший рядом, не почувствовал ничего, а вот Цяо Ю покачнулся и сплюнул темную кровь.

Пускай он и был единственным сыном самого главы ордена, но прекрасно знал: Бессмертный почтенный Чжэньнань никогда не бросает слов на ветер. Перепуганный до смерти, юноша поспешно прижался лбом к камням:

— Ученик осознал свою ошибку! Молю о прощении, я больше никогда не посмею нарушить ваш запрет!

Из глубины дворца больше не донеслось ни звука. Лишь когда подошедшие слуги жестом

велели им убираться, Цяо Ю наконец осмелился подняться. Скуля от боли и зажимая ушибленную грудь, он, пошатываясь, побрел прочь.

Цзи Гуаньци, разумеется, обо всем этом даже не подозревал. Вернувшись в свою уединенную деревянную хижину, он лихорадочно соображал, как быть дальше. Раз уж уйти в открытую наставник ему не позволил, придется бежать тайно. Самым разумным решением казалось дожидаться окончания Великого собрания и покинуть гору под предлогом спуска на ночную охоту или тренировочное странствие.

— Тоже мне, Бессмертный почтенный Чжэньнань... Образец справедливости и беспристрастности, — Цзи Гуаньци устало опустился на жесткую постель и тихо, горько рассмеялся: — Лжец.

«Будь У Синбай действительно тем праведником, каким его все считали, разве погиб бы его глупый ученик в прошлой жизни столь страшной смертью?»

<http://bllate.org/book/20080/1994986>